

Рожков А.Ю.,

доктор исторических наук, доцент,
зав. кафедрой социологии,
Кубанский государственный университет,
Краснодар

УДК 316.7

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД В РАКУРСЕ «ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ» ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ (КРАСНОДАР, 1920-е)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект РГНФ № 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций»)

Аннотация: В статье рассматриваются методологические подходы «нового» урбанизма повседневности и проблемы их применения в исследовательской практике историка, изучающего городскую повседневность в эмоциональном ракурсе. Анализируются возможности использования в исторических работах трех известных метафор «нового» урбанизма – метафоры «транзитивности», «ритма», «отпечатков следов». Делается вывод о перспективности и ограничениях такого подхода в исторических исследованиях «эмоциональной» истории повседневности, связанных, преимущественно, с информативными возможностями источников.

Ключевые слова: 1920-е, провинциальный город, Краснодар, городское пространство, «новый» урбанизм, повседневность, история эмоций.

Rozhkov A. Yu.,
doctor of historical sciences,
associate professor,
department chair of sociology,
Kuban State University, Krasnodar

**COUNTRY TOWN IN TERMS OF “EMOTIONAL” EVERYDAY-LIFE HISTORY:
RESEARCH APPROACHES AND PROBLEMS (KRASNODAR, 1920-s)**

Summary: the article is devoted to methodological approaches towards the “new” urbanism of the everyday and the problems of using them in the research practice of historian, who studies everyday city in terms of the emotion. It is analyzed the possibilities of three well-known metaphors of the “new” urbanism employment in the historical works – “transitive”, “rhythm”, “footprints”. Conclusions are drawn about prospects and limitations of this approach in historical studies of everyday life emotional history of a provincial town in 1920-s mostly related to the informative capabilities of sources.

Keywords: 1920-s, country town, Krasnodar, urban space, “new” urbanism, everyday-life, emotional history.

Как следует из названия статьи, речь в ней пойдет о построении сложной «трехмерной модели» из таких базовых понятий, как город, повседневность и эмоции с точки зрения исторической рефлексии. Каждая из этих трех перспектив самодостаточна, но это вовсе не повод для отказа рассматривать

их в одной связке. Из этих трех элементов проблема повседневности в исторической науке, пожалуй, наиболее разработана. Значительно слабее исследован ее эмоциональный аспект, несмотря на то, что повседневность и чувственность в действительности тесно переплетены между собой. Не менее сложно обстоит дело и с представлениями историков о городе, который традиционная урбанистика сводит обычно к комплексному изучению проблем, связанных с функционированием и развитием городских центров. Город в этой парадигме рассматривается как «большой завод», и главное внимание уделяется изучению основных параметров его жизнедеятельности. Ключом к преодолению ограничений такого подхода видится перенастройка исследовательской «оптики». Если воспользоваться метафорой М. де Серто и рассматривать город не как «место», а как «пространство», то есть «место, которое используется в практике» [1], тогда в таком городе вполне возможно обнаружить «следы» прошлой повседневности с её эмоциональными переживаниями.

Задачей настоящей статьи является рефлексия относительно возможностей историков по изучению эмоционального аспекта повседневности в рамках провинциального города в ранний советский период, а также исследовательских подходов и возникающих в связи с этим методических затруднений. В качестве конкретного примера выбран г. Краснодар 1920-х гг.

С точки зрения семантики городского пространства одной из перспектив отнесения города к культурно-историческим общностям более высокого порядка является «столичность – провинциальность – периферийность» [2]. В российской пространственной триаде «деревня – уездный (губернский) город – столица» провинциальный город первой трети XX в. в качестве объекта анализа эмоциональной сферы повседневности представляется нам оптимальным локусом. Процессы урбанизации, модернизации, множественность пересекающихся социальных сетей, повышенная чувственность горожан, значительный слой образованных людей, способных выразить на бумаге свои эмоции, делают его привлекательнее деревни, в то же время здесь нет столичной «повышенной нервности жизни», как и преобладающего там типа «бесчувственно-равнодушного» человека, о котором пишет Г. Зиммель. Если в большом городе преобладает интеллектуальный характер душевной жизни, то в малом городе «больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве» [3].

Город как объект социально-исторического анализа является одним из основных направлений «новой» урбанистической парадигмы, которая рассматривает город как социальное пространство, в тесной его связи с горожанами, их поведением, мобильностью, дискурсами, габитусами и повседневными фоновыми практиками. Задавшись вопросом о том, как соотносится теоретическое обсуждение повседневности «вообще» и городской повседневности, Е. Трубина ссылается на идею Б. Вальденфельса: «Повседневность... – это пространство для соединения разделенного и встречи всего и вся. В этом смысле она противостоит нарастающей фрагментации нашей жизни и несопоставимости логик, определяющих общение с близкими или чужими людьми. Повседневность представляет собой «место обмена и обмен мнениями». Город и есть такое место. Он проявляет суть таким образом понимаемой повседневности» [4].

В качестве методологической «решетки» для изучения провинциального города 1920-х гг. в ракурсе эмоциональной истории повседневности нами используются три центральные метафоры нового урбанизма повседневности: транзитивности/пористости (фланерства), ритма/ритманализа и «отпечатков» города. Впрочем, Э. Амин и Н. Трифт критикуют этот подход «за отсутствие методологической ясности» и предлагают на самом элементарном уровне говорить о городе как «о жизни, бурлящей, не приукрашенной жизни, о бытии-вместе разных существований» [5]. В центре рассуждений Амина и Трифта относительно городов находится жизнь, наполненная «гибридными сетями» и «столкновениями», однако сложно сказать, добавила ли эта концепция «методологической ясности» по сравнению с предыдущей. На наш взгляд, для рассмотрения Краснодара 1920-х гг. больше подходит все же парадигма новой урбанистики повседневности, менее подверженная налету ультрасовременных концепций города начала XXI в.

В рамках небольшой статьи трудно воплотить в полной мере идею Ю.М. Лотмана о динамичности и постоянной изменчивости реальности городского пространства. Тем не менее, «оттолкнуться» от нее стоит. Классик семиологии исходил из того, что город нельзя воспринимать как какую-то одну доминирующую структуру в какой-то одной временной точке отсчета (например, пушкинский Петербург, Петербург «Медного всадника», Петербург Достоевского и т. д.), поскольку это неадекватно ре-

альности. Он справедливо критиковал общепринятую практику построения абстрактных исследовательских моделей применительно к городам как к живым организмам, динамичным системам [6]. А.Е. Карпов также полагает, что скорее коммуникация структурирует пространство, чем наоборот. Иными словами, то, как мы говорим, неизбежно определяет то, как мы видим город и ходим по его улицам, т.е. городское пространство [7].

Конечно, Краснодар в 1920-е гг. – это не город в полном смысле слова, чтобы его даже метафорически сопоставлять с Петербургом. Екатеринодар, как и большинство губернских городов Российской Империи, до какого-то времени «имел городское стадо коров, но не имел городского парка» [8]. (Впрочем, и описанная В. Беньямином Москва зимой 1926/27 г. также сочетала черты метрополии, провинциального города и деревни: «У этих (московских. – А.Р.) улиц есть одна странность: в них прячется русская деревня. <...> Москва вообще повсюду производит впечатление, будто это еще не сам город, а его предместье» [9]). Краснодар 1920-х правомерно отнести к своеобразному городу-станции, где причудливо переплетались традиционный казачий уклад и городские черты «модерности».

С самого начала заселения Екатеринодара суровые условия жизни в войсковом городе, нездоровый болотистый климат негативно отражались на нравах его обитателей. Исследователи и путешественники издавна отмечали «необычайную замкнутость, подозрительность, консерватизм, мелкое себялюбие и грубость екатеринодарцев». «Едва только смеркнется, как у всех ставни уже закрыты. <...> Через полчаса город делается гробом», – писал В.Ф. Золотаренко. Причину такой замкнутости он видел, в частности, в неустройстве екатеринодарских улиц: «По улицам летом стоит пыль, а тротуары так узки, что одному только человеку пройти, да при встрече посторониться» [10].

К началу 1920-х гг. в этом смысле немного изменилось, вместе с тем Краснодар представлял собой довольно пестрый по составу конгломерат жителей, из которых меньшинство имело статус «коренного» горожанина. С момента перевода Екатеринодара в статус города гражданского в 1867 г. он прибавлял ежегодно по 5% населения [11]. По итогам Всесоюзной переписи 1926 г. население Краснодара составляло 154410 чел. [12] Население города жило скученно, в плохих жилищных условиях. По меткому выражению П.В. Миронова, краснодарцы жили в лондонской тесноте при пашковском благоустройстве [13]. Пришлые люди по-своему обживали это пространство, привнося в городскую повседневность черты своего обихода и заимствуя причудливую мозаику других жизненных опытов и практик.

Вернемся к трем метафорам новой урбанистики повседневности, чтобы порассуждать о возможностях и ограничениях их применения в исследовательской практике историка.

Метафора транзитивности/пористости. Эта метафора В. Беньямина, вкупе с его фигурой рефлексизирующего прохожего («фланера»), по мнению Э. Амина и Н. Трифта, помогает запечатлеть город как повседневный процесс, приводимый в движение взаимодействием плоти и камня. При этом город не рассматривается как монолит, а знания о нем не являются универсальными. «Пористое» городское пространство состоит сплошь из взаимопроникновения прошлого и настоящего, зданий, действий, переулков и различных сцен городской жизни в восприятии внимательного наблюдателя. (Заметим, что такой подход противоречит взглядам Р. Парка, считавшего, что город является комплексом миров, которые «соприкасаются, но никогда полностью не взаимопроникают» [14]). Транзитивность города понимается как место смешения и импровизации, противостояние монументальности новой архитектуры нагромождению торговых палаток уличных торговцев. Метафора транзитивности/пористости отмечает пространственно-временную открытость города, что позволяет городу непрерывно оформляться и изменяться. При этом фланер («теоретик», «задумчивый прохожий») перестает быть внешним наблюдателем; он сам, подобно М. де Серто или В. Беньямину, – «рефлексивное блуждание» [15].

Применительно к Краснодару 20-х эту метафору можно применить, например, рассматривая город как смешение «советскости» новых построек и топонимики с дореволюционным обликом города. Новая власть стремилась преуспеть в активном перекодировании физического и социального пространства города. Здесь, как и во многих российских городах, первичные изменения в основном проявлялись не в виде дорогостоящих архитектурных новелл, а в модернизации городского ландшафта, в создании новых визуальных символов и дискурсивных полей. К концу 20-х в Краснодаре произошли определенные внешние перемены, придавшие облику города «советскость» [16], сохранив либо вернув

при этом некоторые черты дореволюционной повседневности. Из общественных мест удалялись символы и памятники, олицетворявшие царскую власть (прежде всего, памятник Екатерине II). На гранитном пьедестале свергнутого памятника Императрице появилась новая символика: остроконечная трехгранная игла, с рельефными портретами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Между тем «задумчивый прохожий» В.В. Маяковский во время своего визита в феврале 1926 г. дотошно интересовался, почему не сняты вензеля Екатерины II с фасадов домов. К сожалению, краснодарский историк почти лишен таких наблюдательных и рефлексивных фланеров, как В. Беньямин, оставивших свои путевые заметки. Однако выход может быть найден в обращении к дневникам горожан, газетным заметкам. Например, таким колоритным характеристикам города (январь 1916): «с одной стороны, шумный город с потугами на столичный лоск, а с другой – грустные ландшафты Миргорода с его целебными купаниями на улицах для четвероногих животных, действующими в течение всего года...» [17].

Город при нэпе представлял весьма колоритное зрелище, отражавшее переплетение нового и минувшего. Жизнь на улицах заметно оживилась. Шла бойкая торговля папиросами с лотков, фруктами, игрушками, ширпотребом. На улицы вернулись рекламные вывески, плакаты, витрины торговых предприятий, в названиях которых также новое соседствовало со старым: пивоварня «Новая Бавария», гастрономические товарищества «Кахетия», «Восход», бакалейные магазины «Эврика», «Треугольник», мануфактуры «Станичник», «Труженик», кожгалантерея «Хромкожа», «Дубкожа», «Знамя», комиссии «Надежда», «Двигатель» и т. д. В 1925 г. возобновил работу городской ломбард [18]. На каждом углу – чистильщики обуви. Все эти картинки городской повседневности можно найти при внимательном прочтении тогдашних газет, а также в работах краснодарских историков [19].

Метафора ритма/ритманализа. А. Лефевр под ритмами города понимает координаты, по которым его обитатели и приезжие упорядочивают и оформляют свой опыт города (дорожные знаки, правила дорожного движения). Это также и множество различных скоростей и движений – люди, пересекающие улицу, останавливающиеся и трогаящиеся автомобили, толпы людей, спешащие по различным делам («музыка города», которая нуждается в раскрытии посредством рефлексии). Но ритмы города – это не только то, что можно видеть или слышать, но которые «представляют себя, не будучи представленными» (часы открытия и закрытия школ, магазинов, офисов, наставления для туристов и т.д.). Именно ритм задает мультитемпоральность города (от биоритмов тела и тиканья часов до школьных расписаний и транспортных потоков). По мнению Лефевра, метафора «ритманализа» позволяет выявить незамечаемые темпоральности. Она предполагает как бы «отстраненное» нахождение исследователя на определенной дистанции. Один из способов дистанцирования – окно, которое позволяет прочитывать город с определенной высоты и дистанции [20].

Применительно к Краснодару 1920-х легко представить себе множественность городских ритмов: легковых автомобилей было немного, повседневные нужды пассажиров удовлетворяли в основном многочисленные брички и пролетки. Трамвайная сеть привносила свою особенность в городские ритмы. В середине 1920-х в Краснодаре насчитывалось 9 трамвайных маршрутов, насчитывавших около 40 остановок, по которым курсировало 36 вагонов со скоростью не более 10 км/ч (скорость извозчика – 12 км/ч). Линии трамвайной сети почти совпадали с основными направлениями людских потоков пешего делового движения по улицам Краснодара. Расстояние между остановками в среднем было два квартала; в центре расстояние уплотнялось, на периферии расстояние между остановками увеличивалось [21].

На городские ритмы влияло состояние улиц и переулков. По мнению П.В. Миронова, город с самого своего основания развивался «неряшливо и беспризорно». Никто не думал оставлять свободные площади для общественных нужд, бороться с искривлениями улиц. Улицы города в большинстве своем были узкими, что не только мешало движению людских потоков, но и затрудняло развитие трамвайных линий. Только около 40% улиц (в центральных районах города) были вымощены камнем или покрыты асфальтом [22]. «Все остальное – земля да пыль, пыль да грязь», – отмечала газета «Красное знамя» [23].

Как отмечал Лефевр, ритманализ не должен ограничиваться только светлым днем. Жизнь ночного города не менее интересна, там возникают свои особые практики повседневности и эмоции. И здесь историку не обойтись без ознакомления с системой освещения городских улиц и площадей. В Краснодаре 1920-х уже не было простых ламповых фонарей, керосиново-калильные постепенно сокращались.

Город стал освещаться электролампами в 100-200 свечей. Таких точек в 1926 г. на весь город было всего 256, еще оставались 69 керосиново-калильных, но этого было явно недостаточно. Активизировавшаяся же в советское время поздневечерняя жизнь с собраниями, клубными мероприятиями, массовыми развлечениями требовала больше уличного света, чем ранее. Из общей протяженности краснодарских улиц освещенными в 1928 г. была всего одна треть, преимущественно в центральной части [24].

Метафора отпечатков следов. Если ритм – это «локализованное время» и «темпорированное пространство», то метафора «отпечатка следов» задает город как замкнутое пространство. Город демаркируется через планирование, правила архитектурной застройки, транспортные маршруты, сети коммуникаций. Но пространственная и темпоральная пористость открывает город также и для «следов», нитей прошлого и настоящего. Изучение городских «следов» позволяет увидеть множество различных мобильностей (покупателей, туристов, детей, бездомных и т.д.). Город начинает рассматриваться как палимпсест, где одни отпечатки следов накладываются на другие, создавая интертекстуальную глубину пространств. Один из способов «оставить след» – это называние (городов, мест города, улиц, газет и т.д.), в результате город становится доступным, а благодаря «поименованию мест» он становится и пространственным образованием. Наиболее очевидным средством для изучения «следов» города являются туристические карты и путеводители, посредством которых город «наделяется как историей, так и памятью» [25].

Город, названный в честь императрицы Екатерины II, и в 1920-е гг. сохранял «следы» былой эпохи в памяти горожан. Название рабочей окраины Дубинка, например, у многих ассоциировалось с тем временем, когда первые заселенцы Екатеринодара застали первозданную природу в виде роскошного дубового леса. Большинство горожан с трудом привыкали к новым названиям улиц, площадей и скверов, именуя их по-старому – Бурсаковской вместо Красноармейской, Борзиковской вместо Коммунарков, Соборной вместо Ленинской, Графской – вместо Советской и т.д. Кинематограф «Мон-Плезир», носивший теперь имя Ленина, среди обывателей долго сохранял прежнее название, как и любимая у горожан Чистяковская роща, ставшая Первомайской [26]. Если учесть, что множество горожан в своей повседневности жили в двойной темпоральной реальности, ориентируясь на новый и старый стиль календаря, картина «отпечатков следов» становится еще более многомерной.

Очевидно, что при всех трудностях выявления из исторических источников «повседневного», проблема интерпретации «эмоционального» в ракурсе «нового» урбанизма намного сложнее. Методологический инструментарий истории эмоций еще недостаточно разработан в мировой исторической науке. Вместе с тем некоторые исследовательские задачи при условии высокого уровня профессионализма и «эмоциональной» компетентности историка могут быть решены. Например, если рассматривать выражение эмоций в некоем «эмоциональном сообществе» (Б. Розенвейн) как социальную практику [27], прочитывая их как социальные взаимодействия [28] в городском пространстве. Тогда «обычные» социальные группы горожан (семья, трудовой коллектив, соседи по ЖАКТу, партийная ячейка, профсоюз) смогут предстать перед историком через систему чувств, групповых эмоций, которые становятся главным объектом анализа. Исследователя в такой методологии должно интересовать, какие эмоциональные «нормы» существовали в этих городских сообществах? Какие способы выражения эмоций ожидалось, поощрялись, а какие лишь терпелись и/или осуждались? В каких терминах, передающих чувства (эмотивах) выражалось эмоциональное состояние людей? Как выражали эмоции мужчины и женщины, какие «эмоциональные репертуары» имелись в их распоряжении? Насколько различалась степень их «эмоционального сдерживания»? Какими смыслами наполнялось понятие чести у «бывших людей» и новой советской элиты провинциального города? Какие чувства у обывателей вызывали городские постройки, жилые кварталы, монументальные памятники, городские праздники, городской транспорт, уличное освещение и т.д.?

Однако самая большая сложность заключается именно в том, что эмоции очень трудно или почти невозможно выявить документально. Поэтому в таких исследованиях детальному анализу следует подвергать нарративы горожан: частную переписку, заявления, автобиографии, жалобы, доносы, объяснительные записки, письменные показания на следствии, дневники и т.д. Следует также учитывать, что тема эмоций в истории сравнительно мало дискурсивна, поэтому исследования в методологических рамках постструктурализма здесь сильно затруднены. Возможным выходом является «герменевтика

чтения между строк», т.е. герменевтика сосредоточения на микроуровне текста, замечая малейшие изменения языковой логики – «случайные проговорки», «случайные детали» [29].

Итак, резонно сделать вывод, что четко разработанных и апробированных методик исследования города в современной социологической теории пока не существует, кроме нескольких методологических метафор. Привлекательных, многообещающих, революционных, но – метафор. Ситуация для историков осложняется еще и тем, что город прошлого – это «ушедшая натура», которую можно реконструировать только по историческим источникам. При всем желании современный историк не сможет реально прогуляться по городу «пешком», вкусить его ароматы, услышать его звуки, ощутить его ритмы, обнаружить «следы» и эмоциональные проявления горожан. Он может это сделать только в своем «историческом воображении», перефразируя известную идею Ч.Р. Миллса. И здесь перед историком встает сразу несколько серьезнейших методологических проблем: где найти информативные источники? как из них извлечь релевантную информацию? как избежать искушения «притянуть за уши» зачастую скудные источниковые сведения к современным концептуальным наработкам социологов города? Историческое воображение, домысливание не имеет ничего общего с выдумками и фальсификациями. Это всего лишь инструмент в руках историка, помогающий в его рефлексии. То, как историк воспользуется своим инструментарием, всецело зависит от его мастерства и профессионализма. В одном мы убеждены: без знания современных теорий и методов «нового» урбанизма, концепций истории повседневности и истории эмоций полноценно интерпретировать даже самые информативные источники историку будет не под силу.

Список используемой литературы:

1. Серто М. Истории пространства // Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. СПб., 2013. 218 – 219.
2. Карпов А.Е. Различение. Пространство в городе // Социологическое обозрение. 2001. №2. Т.1. С.60.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 – 4. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 13.01.2013).
4. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011. С. 404.
5. Amin E., Trift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002; Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3-4. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 13.01.2013).
6. Лотман Ю.М. Город и время // Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 84 – 85.
7. Карпов А.Е. Указ. соч. С. 61.
8. Культуры городов Российской Империи на рубеже XIX – XX веков: материалы международного коллоквиума. СПб., 2009. С. 67.
9. Беньямин В. Московский дневник / пер. с нем. М., 2012. С. 109 – 110.
10. Цит. по: Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...: материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 99; Навозова Ф.В. Краснодарский край. Краснодар, 1955. С. 263.
11. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 39. Л. 65.
12. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 56 т. М.; Л., 1928. Т. V. С. 50, 164-165; ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 38. Л. 11-12.
13. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 36. Л. 16.
14. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 10.
15. Amin E., Trift N. Op. cit. P. 10-11; Хатковская И. Повседневность городского пространства в кино (фильм Ш. Акерман «С Востока») // Такая: научно-популярный журнал о судьбе. 2016. № 6. URL: <http://takaya.by/life/notice/kerman/> (дата обращения: 10.02.2016).
16. См.: Малышева С., Сальникова А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: Городские карты памяти / под ред. П.В. Романова, Е.Р.

Ярской-Смирновой. М., 2009. С. 121 – 142.

17. Екатеринодар – Краснодар... С. 381, 457, 503, 506.

18. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 370. Л. 32, 74; Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 361; Екатеринодар – Краснодар... С. 496.

9. См., напр.: Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода НЭПа. Краснодар, 2010; Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930-е гг. Краснодар, 2012.

20. Amin E., Trift N. Op. cit. P. 17-19; Амин Э., Трифт Н. Указ. соч.

21. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 48. Л. 20, 79.

22. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 46. Л. 6, 26, 28.

23. Рыбенко М. Пришел день отдыха, а отдохнуть негде // Красное знамя. 1930. 13 июня.

24. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 24. Л. 238.

25. Amin E., Trift N. Op. cit. P. 22-25; Амин Э., Трифт Н. Указ. соч.

26. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 39. Л. 62; Екатеринодар – Краснодар... С. 446, 459, 486.

27. Стейнберг М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций : сб. ст. / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010. С. 202 – 203.

28. Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context I. 2010. № 1. P. 19 – 21.

29. Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств... С. 34 – 36.